

самой жизни. Царь остался без реальной силы, без опоры своего трона. Польская свита опоры дать не могла, а создать ее в народе из народа-требовалось продолжительное время.

После вцарения Дмитрия, князь Василий Шуйский, довольно отъявленный интриган, повел тайную работу для свержения с трона Дмитрия. Путем подкупа, лжи и милостивых обещаний, ему удалось поднять в Москве бунт по избитию поляков/было убито 2.000 человек/, во время которого был убит и сам царь. Кто он был, до сих пор точно не доказано. Говорили, "что это монах Григорий Отрепьев, но физические признаки, по которым мать признала его: несколько укороченная правая рука и родинка на правой щеке, говорят в пользу царевича.

После убийства Дмитрия, в сущности началась Московская смута. Это была борьба правящих сословий: бояр - дворян за сохранение социально-экономического их положения, и борьба низших сословий против них, за освобождение от работ. Казачьи основы - выборность власти, вольность и равенство приняты были крестьянством, как готовая программа. Но воплотить в жизнь эту программу народ Московии оказался неспособным, он не был способен организовать для вооруженной борьбы против бояр и поляков и, поэтому получился парадокс: крестьянство прибегло к помощи того же помещичьего дворянства, от кабалы которого хотело освободиться.

В интересах Донских казаков было не продолжение Смуты, как утверждает Забелин, Соловьев и Платонов, а прекращение, т.к. она отвлекала с Дона казачьи силы и мешала ведению Дном войны против Турции.

На престол был избран, вернее "выкрикнут" московской чернью исключительно, а не Земским Собором, поддержанной боярами князь Василий Шуйский, старший из "Гурьковичей".

Семья Бориса Годунова той же чернью была взята из дворца на старый Борисов двор, где 10 июня были убиты вдова и сын Бориса-Федор, принявший было царство, а его дочь, запертая в тюрьму, подверглась боярами "в поруганную узницу".

После смерти Дмитрия, фрейлины его жены Марины, были расхвачены боярами по своим домам. Через год они уже были матерями/Иловайский см.вр.103/.

Что же представлял собой Василий Шуйский?

"Во дни его всяка правда успе, и суд истинный не бе, и всяко любочестно преслужу; его ради кровь проливается многая; он государь несчастлив; глад и меч царева ради несчастья; человек глуп и нечестив, пьяница и блудник". /Платонов "Очерки смуты", стр.168/.

Как для Донских казаков, так для низшего населения Московии, избравшись от боярского царя Бориса Годунова, царь Шуйский тоже "боярский царь" был абсолютно неприемлив, ибо со стороны его скидывались казни за поддержку Дмитрия и восстание началось, с появлением другого самозванца, Поддержанного Польшей. Кто он - неизвестно! В русской истории числится: "ВОР!"

Восстание на Украине получило быстрое развитие, т.к. воспользовалось готовым образом путевых движений: Путивль и Кромы. В 1606 году главой восстания оказался путивльский воевода князь Григорий Шаховской. От его имени стал действовать знаменитый "большой воевода" Иван Болотников. Устроив войско, он двинулся к Кромам, где встретил воеводу Шуйского и князя Юрия Трубецкого, и ловким маневром заставил их отступить и преследуя их, повел к Москве, увлекая и крестьян и служилых людей, недовольных правительством. Подойдя к Москве, оказалось, что матежная мать не имела внутреннего социального единства. Болотников стал знаменит тем, что целью восстания было не только политический переворот - свержение Шуйского, но переворот общественный - ниспровержение крепостного права.

Подлинного текста его позваний не сохранилось/скорее всего они скрыты/. Но на языке Москвы было прямое "воровство", т.е. преступление, почему и все войско Болотникова получило имя "воров". Идя к Москве, оно на деле осуществляло программу своего вождя: "собрахауса боярские люди и крестьяне/говорит летописец/, с ними же пристаху украинские посадские люди и

стрельши, и начата по градом поведомы имати и сажати по темницам, бояр же своих дома разоряху и жипотн/имущество/грабяху, жен же их и детей позоряху и за себя имаху".

Рать Болотникова подспла к Москве, ясно и определенно покушавшаяся на демократическую ломку существовавшего строя. Это было крупной и неожиданной новостью в развитии Московской Смуты. И когда рать подошла, то часть ее, главным образом, рязанцы служилые люди, ознакомились с программой Болотникова, не могла разделить ее, ибо сами были земледельцами и рабовладельцами, сами сидели на поеводствах по городам и были заинтересованы в укреплении за ними крестьян и холопов. И после некоторого раздумья репили бросить своих союзников "воров" и перешли на сторону Шуйского с покаянием.

Социальное расслоение разрушило политический союз. Это обстоятельство дало возможность Шуйскому собрать большое войско, в июне 1607 года осадить г. Тулу - сосредоточие "воров" и разгромить их, взять в плен руководителей князей Шаховского и Телятевского и Болотникова, и с ними более опасных перепепать. Победа, казалась полная. Бесъ Юг Шуйский отдал для грабежа и убийств татарам и черемисам.

Болотников действовал без протекции на трон. Но, вот, в июне 1607 года, он - "Вор" появился в Стародубе Северском. Паши Польши и Литвы создали ему войско, а именно: Сапега, князь Роман Рожинский, Тышкевичи и др. К этому ядру примкнули и московские; также прибыли станицы Атамана Ивана Заруцкого с Дона и Днепра. Поляк Лисовский об, ехал всю Московскую Украину, собирая Тульских беженцев, снабжая их провиантом и оружием. Собралось около 30000 человек. Весною 1608 года началась война.

Московские войска терпели поражение и "Вор" шел победным маршем в основную квартиру в селе Тушине, в нескольких верстах от стен Москвы. Гетман Рожинский репил дать генеральное сражение 25 июня 1608 года, но результата не достиг. Штурм Москвы тоже не удался. Блокада Москвы тоже не удалась. Но на сцену появился молодой талантливый князь Скопин-Шуйский. С ним было 3.000 человек и стряды ландскнехтов, которые были даны ему шведским королем за уступки городов от Ямы до Корелы. С этими силами Скопин отал теснить "воров", которые постепенно очистили Тушино и ушли к Волоколамску.

В среде тушинцев был на первом месте Филарет Романов. При первом Дмитрии он был поставлен митрополитом в Ростов. При Шуйском "наречен" патриархом всея Руси, но через 2-3 дня "скинут". Тушинцы взяли его в плен в Ростове и привезли к "Вору" и тот возвел его в "патриархи".

Простить вероломство Шуйского он не мог и остался в Тушино. Как сам Филарет, так и вся знать около него, предпочли вступить в сношение с королем Польши Сигизмундом. Начались переговоры и 4 февраля 1610 года был заключен договор под Смоленском, по которому приглашался сын короля Владислав на московский престол, с принятием православия. В Москве же к этому времени скопились большие силы с приходом Скопина. Но во время праздника и пира, жена одного из Шуйских - Дмитрия, из черной зависти, поднесла кубок вина Скопину с отравой и Скопин скоропостижно скончался. Весть об отравлении Шуйскими разнеслась по Москве. В предтоящем походе против Сигизмунда, на место Скопина, был поставлен брат Василия - царя, который был "сердцем лют, но не храбр". Захваченный на походе врасплох гетманом Рожинским, был на голову разбит у с. Калущино. Московские ратные люди разбежались; шведы отошли в Новгородскую Землю. В Москве вспыхнул мятеж, который возглавили князь Василий Голицын и рязанский дворянин Прокопий Лапунов, оба мечтавшие попасть в цари. Против Шуйского стоял и Филарет Романов. Возбужденная толпа отправилась в Кремль, вывезла царя Василия из дворца, арестовала его братьев, а чтобы Василий не вернулся на царство, его насильно постригли и заперли в Чудовом монастыре.

Наступила полная анархия. Приняв командование над польским войском, гетман Жолковский подошел к Москве и совершенно лояльно предложил

Москве кандидатуру Владислава и просил Москвичей дать ответ. Высшая московская знать стояла за Владислава, а поэтому наспех собранный Собор, заключил договор с Жолковским и привели Москву к присяге царю Владиславу. Войска Жолковского прогнали войско "Вора". Он был уступчив и ласков с москвичами, снискал доверие патриарха и бояр, отправил "великих" послов к Сигизмунду во главе с Филаретом. Польское войско, как уже "дружественное", вошло в Москву. Жолковский писал Сигизмунду, что Москва не пленена и не покорена, а добровольно приведена в соглашение. Но Сигизмунд понимал дело иначе, что Московское государство у ног его и поэтому должно повелевать и стать самому Московским царем.

Узнав о этой глупой политике короля, Жолковский подал в отставку и уехал на родину, оставив за себя Александра Гонсевского, который по приказу короля, установил в Москве диктатуру, в тисках которой бояре, по их словам: "в то время все живы не были".

В конце 1610 года, в Московском государстве своей власти уже не было, а была иноземная диктатура. Попытка бояр о политической унии с Польшей, Сигизмунд нанес последний удар боярству, и на смену разбитого класса, должны бы были стать общественные силы, не желавшие принимать Сигизмунда царем. Но этих сил не было, московский люд оказался неспособным к отречению поляков, хотя патриарх Гермоген, необладающий ни умом, ни широтой кругозора, но восприимчивый, но упрямый, запретил своей пастве целовать крест Сигизмунду.

К этому моменту второй Лжедмитрий - "Вор", был убит в Калуге. Это дало возможность повести пропаганду о восстании против поляков, но сил не было. Воеводе Рязани Прокопию Ляпунову удалось сговориться с Атаманом Ипаном Заруцким и князем Д. Трубецким, возглавлявших казацье войско. К ним с Дона прибыл Донской Атаман Просвещенный, с указаниями поспешить с ликвидацией Смуты, т.к. это отнимает силы против турок.

В общем был создан триумvirат: Трубецкой, Заруцкий и Ляпунов. Этот триумvirат и явился временным правительством безголового московского государства.

Ляпуновым был написан приговор, по которому за службу казаки должны были получить жалованье, но их атаманы не должны быть назначаемы на должности по местному управлению; что же касается крестьян, то они должны быть прикреплены к помещикам.

Все содержание приговора 30 июня 1611 года было направлено против казаков и крестьян, приведшее их в состояние раздражения. Повидимому, Ляпунов, метивший в цари, чувствовал сильнее Трубецкого и Заруцкого, и стал рассылать приказы тайно убивать казаков, собирающих по окрестностям корм для себя и коней. Кроме того, была перехвачена грамота Ляпунова к королю Сигизмунду о том, что он готов предать казаков с условием, что Сигизмунд откажется от трона в пользу Владислава.

К этому казацкому раздражению появился еще факт, усиливавший гнев: 28 казаков помощником Ляпунова Плещеевым были потоплены.

Казаки потребовали Ляпунова для дачи объяснения на Майдан, но он не явился. Это возбудило подозрение. Его позвали вторично и когда он появился, и его поведение, при объяснениях, гордое и ложное, убедило казаков в его преступных замыслах. Казаки зарубили его на месте. Таким образом, созданное коллективное ополчение было разрушено Ляпуновым. Сторонники его разбежались.

Поэтому, "боровские казацкие власти", как пишет казак Фоб Платонов, оказались в положении центрального правительства для всей страны, ездили по дорогам станицами и побивали". Кого они могли "побивать"? "Крестьян? Так они были для казаков социальными союзниками. Бояр? Так они сидели в Москве с польским гарнизоном.

Население не знало, кому подчиняться. Утратив привычную организацию боярского управления, оно не имело полей, как Скопина и Ляпунова. Подчиниться полякам не хотело, потому они - враги, а казакам потому, что они

пристрастны к "воровству", а именно "всяк всякому рабен", что вызвало злобу служилого земледельческого класса. И поэтому, искали спасения в "чудесах и видениях", при этом, патриарх Гермоген, по своей тупости, призывал народ не подчиняться казакам, а мудрые правители Троице-Сергиевской Лавры игумен Дниосий и келарь Авраамий Палицин, видевшие страшную осаду войск Сапеги, блистательного грабителя той эпохи, наоборот призывали народ действовать против поляков в единстве с казаками, которых считали единственной силой, способной разгромить поляков.

Заруцкий и Трубецкой оказывали всегда помощь Дниосию, который и писал грамоты Земдине и звал ее на помощь подмосковному Казацкому войску, против поляков и изменников бояр, сидевших в Москве.

Гермоген же упорно звал Земдину сперва на казаков, а затем уже на поляков, и Земдина пошла не за Троицкой братней, а за тупым и упорным работодателем Гермогеном.

К тому времени, в Нижнем Новгороде, стало организовываться дворянское ополчение, под руководством торговца Кузьмы Минина / "убогим купцем питаюсь", как он говорил хитро / и князя Дмитрия Пожарского, который получив грамоту Гермогена, писал Земдине о Казаках: "мы хурна никакого им учинить не дадим, дурна никакого вора не дадим".

Минин энергично собирал деньги и кричал всуду: "заложим жен и детей", но не заложил ни свою жену и детей, а также жен и всего дворянского ополчения, а драг с посадских людей и крестьян "пятую" часть имуществ, а неуплативших загонял в кабалу-рабами, применяя самые жестокие меры. Ополчение прибыло в Нижний 2 месяца, а затем передвинулось в г. Ярославль.

Пожарский не спешил идти под Москву. По этому поводу Платонов пишет: "В самом деле, что было ему делать под Москвой? Там-оба его врага держали друг друга в неподвижности: казацья рать не могла ни выпустить поляков из осады, ни сама безнаказанно уйти от стен Кремля и Китай-города. Придя под Москву, Пожарский рисковал, подобно Липуну, стать жертвою нового междоусобия, уже раз сгубившего народное /! / дело / о "народном" всего меньше беспокоились, а лишь о интересах высших классов / . Оставаясь в Ярославле, он мог споконно выжидать событий, увеличивать свою рать". Вот так патриот? Ясно, что этот трус выжидал, что казаки рдны разгромают поляков. Ополчение протопталось еще 4 месяца в Ярославле и, живя спокойно, жирно питаюсь и не думало спасать отечество.

Ополчение начало организовываться для "освобождения" отечества лишь после того, как власть государственная всецело оказалась в руках Казаков, до этого же времени оно к господству Поляков на Москве, относилось довольно равнодушно. Это Казацье первенство в государстве и возбуждало у дворян згучую ненависть и злобу против Казаков. Но из практики Минина выяснилось, что многие не хотят вносить "пятую" часть, это свидетельствует об отсутствии чувства патриотизма самого народа. Минин отлично знал этот "патриотизм" и поэтому и принимал бесчеловечные меры.

Медлительность Пожарского стала раздражать всех, кто понимал точно создававшуюся обстановку: и Казаки и Троицкая Лавра обратались к "рати" поторопиться, виду крайне опасного положения государства, но все было тцетно. Тогда Авраамий Палицин вынужден был поехать в Ярославль, чтобы убедить ополчение поспешить на помощь государству, но возвратился оттуда в угнетенном состоянии: напел он там только "мятежников" / спорящих о власти / ; "ласкателей" / интриганов / и "трапезолюбителей" / пьянствующих / , а не боголюбцев, воздвигающих гнев велик и свару между воевод и во всем воинстве".

Вот один, самый умный общественный и духовный деятель об, ективно охарактеризовал "спасителей стечества", во главе с Пожарским и пресловутым Мининым. Впоследствии этого великого человека сослали в Соловецкий монастырь, где он и умер, не воспетый "отечеством".

Первой и главной причиной Ярославской медлительности было полное отсутствие у дворянской рати подлинного энтузиазма, и это отсутствие подлинного патриотизма действительно было, несмотря на крики позднейших

историков, пытавшихся все обелить и все неудачи приписать казакам. Рать была неспособна к жертве. Взаимная вражда вождей за власть/"мятежники"/: интриги, подсиживание, ехидная лживость/"ласкатели"/. Обилие средств располагало к кутежам и попойкам/"трапезолюбители"/.

Историк Иловайский с грустью отмечает: "А из ратных людей в то печальное время предавались разгуду, пьянству и разврату".

Как же историк Платонов описывает эту рать: "есть данные думать, что Ярславская рать превратилась в сильную и благоустроенную армию/1/, хорошо спаянную и обученную. Ее военное превосходство над казаками, к исходу лета 1612 года стало для всех очевидным".

Всего в ополчении было 4.000 человек, что, конечно, "армией" назвать нельзя. Эта "армия" имела надежду, что казаки одолеют поляков, не все же им казакам оставаться вне Дона, который требовал своих сынов для войны с Турцией, а когда казаки позымут Москву, то ополчение свежими силами захватит власть, чему казаки, истощенные борьбой, препятствовать не смогли бы.

Но обстоятельство заставило разгудливую "армию" двинуться к Москве. Трубецкой и Заруцкий дали весть о движении от Смоленска к Москве гетмана Ходкевича с польскими войском и запасами продовольствия и оружия для Кремлевского гарнизона.

В августе 1612 года произошла под Москвой встреча ополчения и Казаков. Навстречу Пожарского выехал Трубецкой и предложил присоединиться к усмирным казаками "таборам", но Пожарский гордо ответил: "отнюдь вместе с казаками не стоять". Такое поведение дворянского ополчения, заставило казаков думать: "нет ли какого умышления над ними".

20 августа Хоткевич пикался под Москвою и обрушился на войска Пожарского, оно дрогнуло и уже часть бросилась в буераки и крапивицу, но видя все это, после некоторого колебания, казаки, в конном строю, врубались в пехоту Ходкевича и она, построив карре, стала спешно отступать.

Видя все это, гордыня Пожарского стала уступать обстоятельствам, и он пошел на сближение с казаками. Было образовано временное правительство, во главе триумvirата: Трубецкой, Заруцкий, и... Пожарский. Это местоположение вождей указывает на их авторитет и силу.

Летопись гласит: "по челобитью и по приговору всех чинов стали во единачестве и укрепились Московского государства достигать, во всем добра хотеть без всякие хитрости".

Объединенные силы 22 октября, имея в первых рядах казаков, взяли приступом Китай-город и освободили сидевшего там князю Михаила Романа, а 26-27 пал и Кремль, сдавшись на капитуляцию. Польский гарнизон большой героизм, но он дошел от голода до людоедства и сдался. Тем временем казачий отряд Межакова разбил войско самого короля Сягизмунда у города Волоколамска.

Смута, в главных чертах, была закончена, благодаря участию для потушения ее казаков.

Главная и основная причина ненависти дворянской рати к казакам была: реакционность этой рати и казачий демократизм, сталкивались два антитеза-рабовладельчества с духом Свободы. Вот эта то, грядущего для закабаленного народа Свобода-"всяк равен всякому"-была для дворян страшнее самих Поляков, ибо в них дворяне могли бы найти сочувствие своему режиму; этот страх за своих "людшек и деревнишках" и заставило дворян подняться. Для зачумленных же крестьян было безразлично, кто правит Московскими дворянами, поляк или швед. Вот, почему, Пожарский, один из видных претендентов в царя, после взятия Москвы, оказался без поддержки: войско его разбежалось.

Казаки видели, как дворяне, в этот тяжкий момент, богатели поместьями, а когда они попросили только 1.000 рублей, то Пожарский отказал со своим "Санчо-Панчо"-Мининым, а у них было 20.000 рублей.

Абрамий Палицын свидетельствовал, что "Казаки дрались голыми", и когда он принес в заклад и обеспечение церковные ценности, то босые и голодные

казаки, по своему высоко развитому религиозному чувству, принять отказались.

Московский/"русский"/историк Забелин, по своему, объясняет: "Как не были жадны и оуровы на похищение-/хищение/казаки от заклада пришли в зазор, устыдились и все отослали обратно в монастырь". Полагаю, что сам Забелин и его дворяне от заклада не отказались бы.

Забелин, все же приводит интересные выдержки из книги историка Кедрова, отрицательно относящегося к Нижегородскому ополчению: "из рассуждений Кедрова выясняется, что показания летописцев неверны, пристрастны к ополчению, что события в них перепутаны. Пожарский и все его ополчение во все время показывали трусость. Пожарский из трусости и по случаю обильных грабеж, медлил в Ярославле, у Троицы; что его ополчение при отбое Ходкевича от Москвы, из трусости спряталось в ямах и крапивам. Затем, Пожарский является лжецом и обидчиком против князя Трубецкого, главным якобы виновником того, что между Казаками и Земцами возникла ненависть и вражда, вследствие чего Трубецкой с Казаками и не должны были помогать Нижегородцам. Не казаки, а нижегородцы играли в Смуту, не захотели стать в казачьи таборы, оставаясь в бездействии, когда Казаки храбро работали. Пожарский является настолько простоватым, что для пополнения своего разума необходимо должен был взят с собой, идя в Москву, старца Авраамия, как дальновидного политика". Мы дополним: и этому трусу и спекулянту Пожарскому поставлен памятник в Москве.

О ничтожном значении Нижегородцев говорит и проф. Ключевский: "но скоро стало видно, что без поддержки казаков ничего не сделать, и в три месяца стоянки под Москвою без них ничего важного и не было сделано", и продолжает: "Казацкие же атаманы, а не московские всеподы отбили от Волоколамска короля Сигизмунда".

И еще одна запись Ключевского: "старец Палицин не помедлил и скоро пошел в полки, где увидел Пожарского и Кузьму/Мишина/и многих дворян плачущих и сказавших, что без Казаков бороться с врагами не могут; и умоляла старца, чтобы шел в Казачьи станы молить и просить, чтобы шли Казаки скоро и немедленно против врага".

Воображаю, как вылезавшее из крапивы "христолюбивое воинство", трясаясь от страха, умоляло старца, и как краска стыда заливала лицо Пожарского, до того гордое и тупое и презрительно заглядывающего: "нам с казаками вместе не стоять..."

Вот этому старцу, прекрасно понимающему психологию московских преступных деятелей, а также преклоняющийся перед казачьим духом жертвенности: "голые и голодные дрались с поляками казаки" и надлежало бы поставить памятник, но Дух его едва ли бы согласился о месте памятника в оканной Москве. Мало кому известно, что старец Палицин был сослан в Соловки и совершенно забыт попанистической Москвой.

Но, в 1900 году из Белого моря поселенцы в суровом климате, привычные к труду "чтобы согреться", послали своих ребятишек в Соловецкий монастырь, чтобы научиться церковному пению и увидеть пример трудолюбия иноков, и воплотить этот дух трудолюбия, а вот, в один день очистки всех дворов, улиц верхней, мельниц, заводов и пр., они стали очищать от травы и крапивы место у стен монастыря и отчистили от грязи какую то плиту с надписью: "Авраамий Палицин".

Наконец в Москве был создан "Земский Собор", для избрания царя. На Соборе не было единодушия: обнаружилось интриги, подкупы, злобная партийность. Собор раскалывался. Трудно допустить, чтобы эти разногласия кончились бы благополучно, ибо как пишет летописец: "кийждо бо хотяше по своей мысли деяти". Все это могло повести к междоусобной войне, много худшей, чем война с поляками.

Во время Смуты все переплелось изменой, предательством, злобой, отсутствием какой либо морали, и окоянством. И тут, в этом очаге скопившихся звериных страстей, сыграли Казаки решающую роль.

На Соборе шли страстные споры о кандидатах. В разгар этих пререканий, на Собор неожиданно появилась красочно одетая фигура Донского Атамана Михаила Межакова. Репительной поступью он подошел к столу, за которым председательствовал Пожарский и положил на стол лист исписанной бумаги. Настала мертвая тишина, взоры всех устремились на Атамана, одни рассматривали его статную красивую фигуру с любопытством, другие - со скрытым беспокойством.

- Атамане, какое вы писание предложили? - с тревогой спрашивает его Пожарский. Не отвечая, Межаков, легким, привычным движением рук, снимает саблю и резким жестом кладет на свою бумагу на столе. А затем, зычно, гомогласно крикнул: "о природном царе Михаиле Федоровиче". В этот миг, в открытое окно, послышался лязг палек пятидесятичного казачьего поиска. Все на Соборе замерло: ни возгласов, ни протестов... "И прочтите писание Атаманское, и бысть у всех моголасен и единомыслен совет", эпически повествует летописец.

По этому поводу проф. Платонов писал: "избирательная кампания проходила под давлением московского гарнизона, в котором преобладали казаки. Они были опасны своим многолюдством/а на стр. 213 писал, что Казачье Войско наполовину разбежалось/и дерзким сознанием своей силы. Они не слупають власти/!" "во всем Казаки боярски и дворяном сильны, делают что хотят", говорит современник. "Есть рассказ, что правн Михаил на трон обьявил Собору пришедший на заседание какой-то "славного Дона Атаман", заканчивает Платонов.

21 февраля 1613 года М.Ф. Романов был избран царем. Все иностранцы, да и многие москвичи назвали его "казачьим царем".

На всех внешне спорах доктринистических историков Московии /России/, чувствуется раздражение и злоба от сознания удержанного самолюбия, что москочиты не сумели спасти свое отечество без Казаков и даже избрать царя не смогли. Отсюда все нападки, и вся грязь направлены на Казачий народ, якобы углуславский Смуту.

Для более спокойного и беспристрастного осе зрения дела спасения Московского государства и для очистиения этой злобной накипи, приведем исторический документ, написанный рукой самого царя Михаила Федоровича:

"Написать грамоту к ним/казакам/, выписать их службы, как товарищи их стояли под Москвой, там кровь пролилась и их кровь очистилося, и Божьей милостью, а их службов, опять государство высклосило, а государь учинился".

Не лишено интереса послесловие историка Платонова: "Казаки были силой разрушительной/для бояр и дворян безусловно, - мое/, но отиудь не создательной/они не думали создавать свои порядки в Москве, мое/. Вот почему "вол земля" стала против казаков и обьявила им войну/!/. В 1612 году она их победила окончательно/а кто же атаковывал Кремль? - мое/. Из под Москвы часть казаков ушла на Дон, а затем на Каспий и завели переговоры с Персидским пахом о подданстве/!/. Но раньше, чем это осуществилось, они были побиты московскими войсками/!/. Другие круги казаков основались на Дону/как будто их там и не было, - мое/, в виде своеобразного сообщества с выборной властью. Наконец, остаток "воровских" казаков, продолжавших разбойное дело под Москвой/! и вообще на Руси/!/, были беспомадно истреблены/!/. "Боровское" казачество перестало существовать".

А кто же вел непрерывную войну с Турцией и Крымом во время Смуты и после нее? И этот историк заканчивает: "так как крепостной строй продолжался, то были побегги. Беглецы теперь шли на Дон/на пустой Дон - по Платонову/ и собору"полнили реку". Комментарировать эту белиберду и бесстыдную ложь просто тошно.

"КАЗАЧИЙ ЦАРЬ".

Участие казаков на Соборе 21 февраля 1613 года в "государевом обирании" было решающим, но не на основании каких либо депутатских прав, которые им и не могли быть предоставлены, как членам особого, а не Московского

народа, и не "писанное атаманское" Межаково, явившегося, как постороннее лицо, было убедительным, а казацки шапки плетеночного отряда, категорически потребовавшего избрания того, кто по их мнению был более подходящим для казацких интересов, и Михаил был "выкрикнут" прежде, чем поставили вопрос: кого-мол выбирать. Но Донское Войско, как таковое, в избрании царя участия не принимало, как отдельная независимая демократическая Республика. Но оно приказало Походному Атаману Межакову подчинить себе волю Собора, что и было им блестяще выполнено.

Однако, от этого Михаила не стал "казацким царем", он фактически не стал и московским царем, т.к. был молод, не крепкого здоровья, слабохарактерен, а явился лишь ценной игрушкой в руках его отца, по существу "черного ворона", принявшего на себя обязанности внешних и внутренних дел. Это был человек честолюбивый, коварный, завистливый и большой интриган. Когда был поставлен вопрос на Соборе о избрании царя после смерти Федора Ивановича, этот тоже князь Федор Инкятич Романов числился кандидатом и чтобы помешать избранию Бориса Годунова, он бросился на него с ножем и обвинил его в убийстве царевича Димитрия, к каковому Годунов был абсолютно непричастен. Годунов постриг его в монахи, с именем Филарета, но он не успокоился.

Будучи в Польше, усердно поддержал кандидатуру Лжедмитрия, якобы спасшегося, а когда же Димитрия угробили, то он упорно выдвигал кандидатуру польского царевича Владислава. И когда неожиданно его сын Михаил стал царем, то он и принялся "править и полодеть".

Сам Михаил, повидимому, был благодарен Донскому Войску, и даже говорили современники, что он целовал Крест договора с казаками, но "черный ворон" Филарет отблагодарил черной неблагодарностью. Так, этот интриган заставил своего слабовольного сына подписать предательскую грамоту Турецкому султану, следующего содержания: в 1617 году: "И мы Вам Ахмет Султанову величеству, про тех воров, про Донских казаков, объявляем, что тут на Дону живут наших государств // воров беглые люди и казаки польные, которые бегают из наших государств, зароволаз от тяжбы и от разбою и от всяких смертных вян, боясь от нас смертной казни, и тут на Дону, живучи поруют, сложаясь, сошляся с запорожскими черкасы; по повелению недруга нашего Польского короля, в Смутное время с польскими и литовскими людьми и с запорожскими черкасы наши великие российские государства поевали и многие места запустили // и единоплемную // - /морды, черемисы, чухны, ведь, меря /крестьянскую кровь разлили / а цари ее то и пили, - мое /и многу смуту те вору, называючи воров свою братью государскими детьми, учинили... по окончании польской войны, мы на тех воров пошлем рать свою и с Дону их велим сбить".

Припоминается не анекдот, а исторический факт, когда Половцы окружили Киев, то князь, ожидая помощи Черниговского князя, говорил осажденным /эта речь записана летописцем/: "Я слышу шум под Подолом /предместье Киева/, то брат наш с ратью идет и битвою мать Русь прославляет".

Так и Филарет до самой своей порочной смерти, так и не явился "с ратью мать Русь прославить" на Дону, - книшка оказалась не только слабой, но и порочной предательской.

И в тоже время Земский Собор с Михаилом посылал грамоты, полные похвал Донскому Войску. Напоминая Донцам Ивана IV и службу ему, они писали: "потому ж служите и прямиа начальные службы свои и радение к царю показати. А за свою нынешнюю и прежнюю многу службу вы от всемогущего Бога милости, а от царя великое жалованье, от всяких людей Московского государства и от окрестных государств честь и славу и похвалу будете иметь..."

В 1614 году сношения с Доном были переданы из "Разряда" в Посольский приказ. Таким образом, Москва признала Дон государством, а не общиной казачьей и установила сношения через ведомство иностранных дел. Донское Войско вело свои сношения совершенно самостоятельно: с Польшей, Венгрией,

с Персией, с Азовом, с Крымом. Царское Правительство двойко относилось к этим фактам; с одним оно не протестовало, по другим даже угрожало, но бесполезно, — польная республика ревниво охраняла свои права независимого народа.

Постоянные морские экспедиции казаков к берегам Крыма, Анатолии, впрямь до Константинополя, грозили разрывом Москвы с Крымом и Турцией, поэтому Москва грозила Дону разорением, и от имени царя коварный Филарет писал казакам, что он провозгласит анафему через Казачью Церковь, но это не подействовало, так как Церковь у казаков была отдельна от государства и духовенство не участвовало даже в Кругу.

Тогда Филарет с царем предложили прекратить набеги на Турцию и Крым и "итти на государева недруга на польского короля землю с турскими пашами с Муртузю, да с Абазю вместе".

Казаки Дона сразу же поняли злостное ухищрение Филарета, что пойдя против Польши, под командой Турецкого паша, казакам будет отрезан обратный приход на Дон, и поэтому они решительно отказались, послав грамоту царю: "мы от Божией милости не отступники, а тебе государь, не изменники и не лакомцы, служим тебе с трапы, да с поды и во всем себя в твою царскую милость отдаваем и истинную православную веру помним и крепко держим, и николи, государь во крестьянстве кровопролития, как прежде сего, и так и ныне не хотим и не желаем, и сами мимо своей крестьянской веры и мимо твоего государства в бусурманскую землю турским пашам на помощь, на литовскую землю итти не хотим; ни при каких былых царех, мы Донские казаки; Мурат-салтанам не служили и через турецкую землю не хаживали".

Высоко развитое религиозное и национальное чувство казаков воспротивилось же-христианским ухищрениям Филарета и царя идти с турками против христиан Литовского народа, и не только воспротивились, но и посох царя, пытавшийся воздействовать угрозой, лишился своей головы.

Три года не давали Дону царского жалованья, свиному, пороку и хлеба. Семь тысяч четвертей муки гнило по окладам, а казаки должны охранять рубежи Москвы. Вниз по Дону разбой татар; вверх-рыбы мало, вся она за Азовом, в море. А Азов, как пробка в бутылке: не дает проходу Донцам погулять по Черному морю; охота за зверем прекратилась-ушел он за горы Кавказа; степи повыжгли татары, — корма для коней мало.

И, вдруг, густые лилии с севера спустились над морем Хвалынским и зашумели по Волге и Дону, — надулся Дон, вода высокими волнами залирует кругом. Взыграли Донец, Чир, Хопер, Медведица, — кипит шлют могучие воды в Дон. Со стен Черкаска бьют тревожно пушки и колокола. На пристани крик купцов из Персии и Генуи; мелькают белые чалмы, красные халаты, куньи шапки; казачки носятся по улицам, спасая свое добро. Казаки в лодках сплывают по Дону плывут сундуки, доски, бочки с рыбой-сушеной и мясом. Вовсю крики: "в Раздоры" .. Гребни в Монастырский". Проклинают Черкасск-свою столицу-лежащую на низине. Лойдут лилии-в воде сидят чуть ли не до крыши. Казаки в стругах кружатся, как птицы, согнанные с гнезд.

А казаков все же тянет к Черкасску, — поближе к морским даям и местам родным древним городкам и Азаку-Козаку городу, о котором только и остались предания. Сам Смага Чертенский и Михаил Черкашенин-славные Атаманы-подили казаков на море. Смаги уже нет, а Михаил еще жив, который, как бура еще в эпоху Ирана Грозного порвался в Азов, выручил из тюрьмы Ермака. Древний город Азак-казак переименовали на Азов, по имени Половецкого князя Азуда, и сам то Дон лишился древнего имени "Танвис", — при сарматах. А дождь как из ведра все льет и хьет. Поплыли запасы зимние и походные на сорванных плотах к Азову-неожиданный дар туркам. Атаманы: Каторжный, Старой, Татаринюв бросаются: торопят казаков опасать остатки казачьего добра. Уже к вечеру, когда солнце пригрело, — крики: "Татары, татары... Джанбек налетел!..." И началась в болотах, камышах, по берегу, в степи яростная сеча с татарами. Бились саблями, деслами, кольями, баграми.

Могучий великан Каторжный рассекал татарина на два куска.. отсоеднля

татар поближе к воде. Татары хватали добро казачье и купеческое; перехватывали коней; топтали копытами детей и баб; с гиком волокли пленных по земле на арканах. Но сгрудились казаки, зарубили многих; татары побежали в степь; убили многих казаков и среди них красавиц: жену Атамана Старого и невесту Татариннова, дочь славного Смаги Чертенского - Барбару. Красное, радостно-сверкавшее солнце поднялось над рекой, над молчаливыми мудрыми курганами-свидетелями славы казачьей, над всей необъятной родной Степью. Повсюду зазеленели высокие травы, полной серебрится ковыль, ярко пестреют прекрасные цветы: красные, желтые, белые, голубые. Как море, перед новым приливом, дышала Донская Степь, как сказка, вливал бодрость и силы сынам своим, только что пережившим вчера трагедию.

Веселые, задорные казачки, забив вчерашнее горе, пестрой толпой шли на берег Дона-стирать домотканное белье, и пели: "Ой ты, батюшка, ты Донской Атаманушка Ермак, сын Тимофеевич. Как у нас было на море: не черным зачернелось, не белым забелелось, - зачернелись на море корабли турецкие, с парусами белыми полотняными". Казачата: черноволосые, шатены, беловолосые, прижитые казаками с "ясырками" разных племен и народов, целой ордой выспали на улицы, подхватывая песню своих матерей. Был ли среди всех народов такая республика Свободы и доблести, в страшных сражениях забывать горе и петь чарующие песни? Нет!

Крымское ханство, образовавшееся на развалинах Золотой орды, раздралось тоже радостью за Престол.

Джан-бек-Гирей, лишив престола, ограбив богатства Махмет-Гирей и царевича Шан-бек-Гирей, разыскивал их, чтобы одеть их на кол.

Все ближние аулы вышли встретить казачьих изольников из Черкасска, Раздороз и нижних юрт.

Кан ожидал, взойдя на высокий камень. Вскоре появился военачальник Чоком-ага-бек. Прошла конница хана на белых лошадях. Каждый татарин шел за собой несколько коней; потом шли татары с пиками, луками; за ними заскрипели телеги с добром грабежа; прошел верблюжий полк. В хвосте шли пленники: понурные, босые, обтрепанные, еле тащили ноги, спотыкались, падали, но их тащили волоком, били бичами, крича: "Чок, чок..." Потом шли красавицы казачек, связанных перевязями. То был "товар" редчайший и самый дорогой. Он шлепался за морем: в Испании, Индии, Персии, Царьграде, в Азии. В особой палатке несли писаную красавицу Барбару Чертенскую, - Она должна стать женой хана-четыреста второй.

А в это время из Москвы в Черкасск прибыл Атаман Старой и на Кругу читал грамоту: "мы наперед сего писали, чтобы вы на море не ходили. А в прошлом году турецкой Амурат Султан прислал к нам посла своего Фому Контакузена о братской крепкой дружбе. Вам писано-только вы, атаманы и казаки учтите на море ходить и турецким людям тесноту чинить/какие добродетели-мое/, села и деревни воевать, и вам от нас великого/но глупого/ государя бити в великой опале и наказания, а от отца нашего, светлейшего/патриарха Филарета" всея Руса: "бити в вечном запрещении и отлучении/подарки султана были дороже жертвенной службы казаков-мое/. А вы на море ходите, суды громите и на Крымские улусы воейте, с азовцами задралась и с крымскими тоже. Вы их грабите и вместе с людьми побиваете..."

Тут Атамана Татариннова взорвало. Со злостью бросил на землю шапку и крикнул: "О чем мыслит царь и бояре? Джан-Гирей нас задирает. Пограбил нас басурмания; в полон взял наших казаков".

Чтение грамоты продолжалось: "воровством и ласкательством/!/ кровь неповинную проливаете. И вы есть за то злодей и враги Креста Христова/!/". А падаете ли вы, что Турецкой султан Амурат и Крымский хан Джан-бек-Гирей с нами в крепкой дружбе/пот так избрали казаки царя!/./ Умнитеесь вы от воровства. Разбойники! Злодей!"

Тут закричали казаки: "не любо нам, не любо! Ту грамоту чернил злодей наш-Филарет!" Тогда Атаман Старой крикнул: "веди нас Каторжный на синее море. Все пойдем, и я пойду с тобой. А ты, Татариннов, веди казаков к Джану".